

ВАДИМ ПОНАРЯДОВ (Сыктывкар)

ПОЧЕМУ ЛИЧНЫЕ АФФИКСЫ В УРАЛЬСКИХ И АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ ПОСТПОЗИТИВНЫ?

Как известно, постпозитивность аффиксации в уральских и алтайских языках почти не знает исключений. Однако в случае с положением личных (предикативных и посессивных) показателей эта постпозиция представляет собой проблему. Поскольку такие показатели со всей несомненностью исторически возводятся к личным местоимениям (или выполнявшим их роль дейктическим частицам), то возникает противоречие между постпозицией личных аффиксов и препозицией местоимений — подлежащих и определений в рамках исходного для уральских и алтайских языков (и сохраняющегося во многих из них поныне) словоупотребления SOV/GN/AN. Действительно, если глагол-сказуемое изначально занимал последнее место в предложении, то как оказалось после него местоимение-подлежащее, позднее превратившееся в предикативный личный аффикс? И если определение всегда предшествовало определяемому, то почему превращающееся в посессивный показатель местоимение-определение регулярно оказывалось за определяемым существительным? На непонятность такого положения указывалось в ряде работ (ОФУЯ 316; СИГТЯ 24; Künnap 1999 : 98), причем попытки объяснить данное явление выводимыми на материале языков с SVO (индонезийских) общетипологическими закономерностями (СИГТЯ 24—28) или другим порядком слов в более раннюю эпоху (ЛЭС 339) выглядят неубедительно.

Помочь понять причину постпозиции личных аффиксов может изучение отклонений от доминирующего словоупотребления в современных уральских и алтайских языках, сохраняющих типологию SOV — удмуртского, марийского, обско-угорских, самодийских, почти всех тюркских, монгольских, японского и др. Действительно, в каждом из них при абсолютном преобладании конечного положения сказуемого встречаются предложения с инверсией. Примеры (подчеркнуто сказуемое, выделен тематический постсказуемостный член): удм. *Соослы верам м о н* 'Им сказал я' (Булычев 1947 : 36); нен. *Nyabyir° nyanta rú-nyakuna yadø°, tú-nyímta nyoqm°byi n y a b y i r°* 'Один за другом идет, его винтовку держит другой' (WOEU 1998 : 228); тур. *Onları da indirdiler t r a m - v a y u d a n* 'Их тоже высадили из трамвая' (ОТПС 35); узб. *Тош кўчалар отлар тугидан қолдириб кетди б и р д а н* 'Вдруг мостовые

задрожали под копытами лошадей' (Ядиханова 1954 : 9); др.-уйгур. *Baryp jükünälim a n y ṛ u l u ṛ q u t y ṛ a, tip ötündi-lär. Ol ödün Xi-rodıs qan unča tip j(a)rlyqady o l a r - q a...* (Малов 1951 : 134) 'Пойдя, поклонился его великому достоинству, взывали [они]. В то время хан Ирод так приказал им...'; бурят. *Үнэшэн хүбүүн мориень унажа гарба, д э л х э й э р г и х э э* 'Сирота-мальчик выехал на его коне, чтобы обозреть мир (путешествовать)' (Санжеев 1941 : 106).

Уже сама распространенность таких случаев во всех уральских и алтайских языках с SOV показывает, что они носят исконный характер, а не обязаны своим происхождением влиянию языков другой системы. В работах по типологии порядка слов они получили убедительное объяснение. В спонтанной речи (а такие предложения носят, как правило, разговорный характер) при эллипсисе темы предложения или ее части «вполне обычны случаи, когда говорящий добавляет к только что сказанному то, что он эллиптировал, так как опасается, что без этого добавления его высказывание может быть не понято (или понято неправильно)», так что «имеет место двукратное построение одного и того же предложения, но это предложение строится в двух разных эллиптических вариантах, причем таких, что, будучи сложными, они восполняют эллиптичность друг друга»: *Симбун о катта ка, Кэнкити ва?* букв. 'Газету купил ли Кэнкити?' < [Кэнкити ва] симбун о катта ка + Кэнкити ва [симбун о катта ка]? (ОТПС 27). Такое добавление приводит к тому, что сказуемое в языках с SOV естественным образом оказывается не на последнем месте — после него следует один или несколько тематических членов. Заметим, что местоимение-подлежащее, чтобы превратиться в аффикс, должно быть безударным, что возможно только в случае его тематичности. Таким образом, вырисовывается ясная картина становления предикативных личных аффиксов: тематическое личное местоимение, будучи эллиптировано на своем «законном» месте впереди сказуемого, добавлялось после него; имея безударный, энклитический характер, оно легко превращалось в аффикс, чему способствовало и то, что аффиксы в уральских и алтайских языках вообще постпозитивны.

Принципиально тот же процесс имел место и при образовании possessивных показателей. Генитивное определение во многих языках (особенно часто в тюркских), неся малую смысловую нагрузку, может быть эллиптировано с тем, чтобы быть добавленным в конце предложения. Примеры (подчеркнуто определяемое, выделено определение): узб. *Ух, шўрим курсин м е н и н г!* 'Эх₁, пусть сгинут₃ мои₄ напасти (несчастья)₂!' (Ядиханова 1954 : 16); тур. *Tükiürsün suratına o h e r i - f i n!* 'Плюнула бы в рожу этого субъекта!' (ОТПС 1989 : 34).

При этом в некоторых финно-угорских языках, в общем сохраняющих твердую препозицию определений, имеются случаи помещения безударного генитивного определения не в конец предложения, а непосредственно за определяемым существительным: коми *И кык вокыд С е д у н л ө н тшöти мөдöны, ветлам пö, гашкö, и мянлы пö сюрас* 'И два брата Седуновых тоже отправляются — съездим, дескать, может, и нам попадетя'; венг. *A címe a k ö n y v n e k nem jut eszembe, csak a szerzője* 'Название книги не приходит мне в голову, только ее автор' (ОТПС 54).

Точно также могут вести себя и указательные местоимения: др.-тюрк. *aj b u aysa ediz* 'Если эта луна поднимается высоко' (СИГТЯ 258); монг. классич. *ipjigel t e p e jocusgar болтугаи геджю гер дүгүренг күймүн дабтаба* (Санжеев 1953 : 182) 'Благопожелание это да исполнится, — юрту заполнивший народ повторил'; коми *Сійö тöдіс, делöйс абу мат-каын, а сын, мый нюрыс т а й ö сэтшöм* 'Он знал, что дело не в компасе, а в том, что болото это такое' (Сидоров 1953 : 22).

Таким образом, и постпозиция посессивных аффиксов, исторически развившихся из генитивных форм личных местоимений или их аналогов, носит в языках с SOV/GN/AN закономерный характер. В монгольском языке подобное развитие зафиксировано памятниками письменности (Санжеев 1953 : 178—179).

Итак, для объяснения постпозиции личных аффиксов в уральских и алтайских языках нет нужды предполагать отклонения от типологии SOV: постпозиция исходных для этих аффиксов местоименных элементов развивается внутри данной типологии естественным путем как результат добавления в конце предложения предварительно эллиптированного тематического члена, который, являясь местоимением, стремится превратиться в аффикс вследствие своего безударного, энклитического положения.¹

Сокращения

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990; ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974; ОПС — Очерки типологии порядка слов, Москва 1989; СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология, Москва 1988; WOEU — Constituent Order in the Languages of Europe, Berlin—New York 1998.

ЛИТЕРАТУРА

- Булычев М. Н. 1947, Порядок слов в удмуртском простом предложении, Ижевск.
Малов С. Е. 1951, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, Москва—Ленинград.
Санжеев Г. Д. 1941, Грамматика бурят-монгольского языка, Москва—Ленинград.
— — 1953, Сравнительная грамматика монгольских языков I. Москва.
Сидоров А. С. 1953, Порядок слов в предложении коми языка, Сыктывкар.
Ядиханова Т. С. 1954, Порядок слов в простом предложении в узбекском языке. Автореф. канд. дисс., Москва.
Honti, L. 1995, Zur Morphotaktik und Morphosyntax der uralischen/finnisch-ugrischen Grundsprache. — CIFU VIII, Pars I, 53—83.
Künnap, A. 1999, Die uralischen Personalsuffixe der 1. und 2. Person. — LU XXXV, 98—103.

¹ Л. Хонти, также отметивший универсальную зависимость между постпозицией подвергающихся агглютинации личных местоимений и словопорядком SOV/GN/AN, попытался объяснить ее существованием после глагола-сказуемого и существительного-определяемого «пустого места», в которое могут попадать лишь местоимения (Honti 1995 : 53—56). Однако как следует из приведенных выше примеров, инверсия в урало-алтайских языках обычна и для неместоименных членов предложения, причем ее правила для местоимений и других слов одинаковы.

Вадим Понарядов

VADIM PONARJADOV (Syktyvkar)

WHY ARE URALO-ALTAIC PERSONAL AFFIXES POSTPOSITIONAL?

There is a contradiction between postposition of personal affixes and preposition of pronouns that developed into them in the Uralo-Altai languages. The article demonstrates that the SOV-typology is the reason for such inversion.